

Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-х -1930-е гг.

Во второй половине 1920-х-30-е гг. происходит ужесточение государственной политики в отношении религии и церкви. На заседании Президиума ВЦИК 1 июня 1927 г. отмечалось, что «социалистический молодой строй может существовать только при борьбе с религией, государство не может нормально развиваться при вмешательстве церкви в жизнь народа».¹

Резко отрицательное отношение советской власти к религии и церкви привело к всестороннему ущемлению прав верующих и духовенства, к гонениям, в ходе которых погибли тысячи людей.

В 1920-е гг. духовенство и члены их семей были лишены избирательных прав. Кампания по лишению прав проводилась повсеместно на протяжении 1920-30-х гг. В деревне это процесс принял особый размах с началом коллективизации. Кампания осуществлялась двумя путями: либо местные власти административно лишали прав священнослужителей и членов их семей, либо решение проводилось через собрания групп бедноты и крестьянские сходы. Так, Опочецкий уездный исполком в 1926 г. перевел в категорию «лишенцев» А. Виноградова на основании того, что он живет на средства отца-священника.² В 1929 г. Невельский райисполком ВКП(б) сообщал, что в 1927 г. в районе были лишены прав 28 священников, а в 1928 г. - уже 47.³

Многие «лишенцы» приходили в сельсовет с жалобами на неправильное лишение их прав, ходатайствовали о восстановлении. Так, в деревне Лаптево Новосельского рай-

она служитель старообрядческой церкви Филиппов на собрании крестьян просил защиты и ходатайствовал восстановить его в правах. Крестьяне поддержали его и двинулись к сельсовету, требуя прекратить гонения на религию и священников. Под нажимом крестьян тот был восстановлен в правах, но ненадолго. Вскоре из Псковского окрисполкома пришло постановление о переводе Филиппова в категорию «лишенцев» и одновременно о взятии его на учет.⁴

Лишенные избирательных прав были бесправны в политическом, гражданском и экономическом отношении. О своем бедственном существовании писал, например, во ВЦИК в начале 1927 г. священник погоста Заборье Торопецкого уезда Псковской губернии Александр Осипов: «Прожив священником 16 лет, я осмелился писать Вам о том, в каком положении находятся те священники, которые ни в чем не виноваты. Я воспитывался в семье светского человека (отец фермер из крестьян). Меня отдали учиться в духовную семинарию, затем пошел на должность священника, так как не было никакого исхода. Я не отрицаю, что исполнял в силу необходимости все требования царской власти, но все, что грязнит священников, зависит не от них, а от царской власти. Теперь я как свободный человек (так как гражданином я не имею права называться) осмелился спросить вас: можно ли мне стать гражданином республики, так как жить в таких условиях, как живут мои товарищи, я не в состоянии по семейному положению. Отречься от веры не могу, так как воспитан в религиозном духе».⁵ Ответ властей был следующим: «Священник Осипов будет восстановлен в правах только пос-

Проскурина Алла Владимировна - преподаватель С.-Петербургского инженерно-экономического университета (филиал в г. Пскове)

ле снятия с себя духовного сана и объявления в печати подробно причин, побудивших его отречься».⁶

Но даже бывшие служители культа, снявшие с себя сан и восстановленные в правах, были неполноправными членами общества. Они могли использоваться только на технических или физических работах, никаких льгот этим лицам, в частности пособия по безработице, не предоставлялось. Местные власти могли увольнять их с работы как «враждебных элементов». Дети священнослужителей, если поддерживали связь с родителями, также были бесправными: они не могли обучаться в школах и других учебных заведениях.⁷

В ходе коллективизации была поставлена задача ликвидации кулачества и других «чуждых элементов» села. Наступление предполагало следующие мероприятия: раскулачивание, повышение налогообложения и выселение в северные и отдаленные районы страны, аресты при подозрении в контрреволюционной деятельности. Все эти меры были отнесены к служителям культа.

В 1927 г. Ленинградский областной земельный отдел разослал циркуляр о необходимости выселять все «нетрудовые элементы с отобранием у них всякого имущества».⁸ Следствием циркуляра стали массовые выселения. Так, 19 декабря 1927 г. по постановлению ОС ОГПУ был выслан на три года в один из концлагерей северного края священник села Аксеново Порховского района Богданов Дмитрий Иванович, арестованный ещё 26 марта 1927 г. по обвинению в «антисоветской деятельности». Дело состояло в следующем: 12 августа 1926 г. в храмовый праздник «Ивана-воина» Богданов выступил с проповедью в церкви о жизни Ивана-воина, верного защитника Родины, и призвал собравшихся брать с Ивана пример. Власти оценили это выступление как антисоветскую агитацию (распускание слухов о войне). На допросах свидетели и сам священник отрицали обвинение. Но это отца Дмитрия не спасло. Он был сослан.⁹ В 1929-1930 гг. Новгородский и Псковский окружкомы ВКП(б) приняли постановления о немедленном выселении кулацких и дру-

гих «чуждых элементов» из районов коллективизации.¹⁰ Результаты сказались незамедлительно. В декабрьской информационной сводке Псковского окружкома ВКП(б) в 1930 г. отмечалось, что в ходе раскулачивания в Дновском районе в список выселяемых кулаков попали все без исключения служители культа. Имущество их было изъято, в том числе даже предметы домашнего обихода, например: у священника Успенского изъяли чашки и ложки, у священника Троицкого – белье. В 1930 г. в списки кулаков, подлежащих выселению, были включены все священники Новосельского и Середкинского районов независимо от того, были у них земля и хозяйство или нет. Вслед за выселением священников закрыли и церкви.¹¹ 19 марта 1929 г. был арестован священник Ловецкой церкви Невельского района Петр Михайлович Щербов. В постановлении уполномоченного Великолукского окротдела ОГПУ Василевского отмечалось, что Щербов – «реакционер-тихоновец» систематически проводит среди крестьянства антисоветскую агитацию и организовал контрреволюционную группу. В её состав вошли Василий Матвеевич Небылов – священник Торопской церкви Невельского района, Стефан Семенович Шепелев – священник в городе Невеле и др.¹² Однако доказательств по обвинению у властей не было, обвиняемые и свидетели обвинения не признавали. Тем не менее 9 мая 1929 г. особое совещание при коллегии ОГПУ постановило: П.М. Щербова, С.С. Шепелева, Е.П. Троицкого, В.М. Небылова приговорить к трем годам концлагеря. В ссылках П.М. Щербов работал на хлебозаготовках.

Имущество раскулаченных и выселенных согласно постановлению властей от 1929 г. поступало в ведение колхозов, изъятые сберегательные книжки и облигации займа сдавались на хранение в окружной финансовый отдел, как и ценности (золото, серебро). Наличные деньги в сумме до 500 рублей должны были оставаться у раскулаченных, остальное переходило в фонд коллективизации. Все конфискационные операции проводились сельсоветами и группами бедноты.¹³ Параллельно с раскулачиванием и

выселением, к духовенству и религиозным организациям применялось усиленное налогообложение, так как хозяйство священников приравнивалось к кулацким. В начале 1930 г. Леноблисполком направил всем райкомам циркуляр о повышении налогов,¹⁴ хотя с 1929 г. священники и так отдавали в казну 75% своих доходов, к коим была причислена и плата за отправление культа. В 1932 г. Леноблсовет постановил на основании циркулярного распоряжения Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК распространить нормы обязательной поставки мяса государству на служителей культа.¹⁵

Сельские священники были обложены разнообразными налогами сельскохозяйственного характера, даже при отсутствии хозяйства. Так, в Порховском районе в 1930 г. священнику Колиберскому было дано задание по хлебозаготовкам, хотя он не имел своего участка. За невыполнение налога на него был наложен штраф.¹⁶ Волховский райисполком Ленинградской области обязал священника Богоявленского поставить 40 кг мяса государству или уплатить за него по рыночной стоимости. Задание было дано, несмотря на то, что у священника не было ни скота, ни земли. Священник не смог выполнить задание, и у него было описано имущество.¹⁷

Насильственное выселение, раскулачивание и завышенное налогообложение вызывало протесты служителей культа и верующих. Так, в декабре 1932 г. крестьяне деревни Налючи Налючинского сельсовета Новгородской земли ходатайствовали о снижении размера твердого задания, наложенного на священника Т. Богатырева. У него была всего одна 11-летняя маломолочная корова, а местный сельсовет требовал сдать 500 л молока. Ходатайство крестьян было отменено, а на священника был наложен штраф. Вскоре Богатырев был арестован. Подобный случай произошел в деревне Дуброво Городского сельсовета Лычковского района.¹⁸ В знак протеста крестьяне стали выходить из колхоза. Рост социальной напряженности обусловил некоторое смягчение отношения советской власти к церкви в 1930 г. При сохранении неизменной «гене-

ральной линии» партии, направленной на вытеснение церкви из общества, появились инструкции о снижении ставки налогов с духовенства. Тем не менее они оставались слишком высокими. К примеру, ставка налога священника Георгиевского из Званковского сельсовета Киришского района Ленинградской области в 1932 г. была снижена, но оказалась равной налогу 1929 г., увеличенному на 75%.¹⁹ В августе 1930 г. президиум ВЦИК приравнивал налог со священнослужителей к налогу с крестьянского хозяйства, увеличенному на 100%.²⁰

Таким образом, борьба с духовенством шла по отработанной системе: закрывалась церковь, священник облагался усиленным налогом, как «нетрудовой элемент», на уплату которого отводились сжатые сроки. После неуплаты налога проводился арест имущества и священника. Часто священник исчезал навсегда.

Экономическое давление на священнослужителей и членов их семей не исчерпывалось усиленным налогообложением и раскулачиванием. В ходе чисток из советских учреждений и организаций были уволены многие честные и грамотные специалисты. Так, в 1930 г. в ходе проверок социального состава сельсоветов в Псковском округе органы ОГПУ выявили ряд «чуждых элементов», которые впоследствии были уволены. В Карточеском сельсовете Бежаницкого района в октябре уволили старообрядца С. Г. Васильева - за «религиозные настроения»; в Новосельском районе сняли с работы практикантку-счетовода Глафиру Васильевну Овчинникову, как дочь священника.²¹

В 1930 г. повсеместно проходили чистки колхозов. Так, в 1930 г. в ходе чистки в коммуне «Новый путь» в Островском районе семья священнослужителя Никифоровского была изгнана из хозяйства. Сам же Никифоровский был выслан из Ленинградской области. В Кудеверском районе из колхоза вычистили члена церковного совета П. Черныцовского.²²

Врагов в лице духовенства и верующих искали не только в советских организациях. В ноябре 1928 г. Пленум ЦК ВКП(б) с целью выявления «буржуазных элементов»

постановил проводить чистки в своих рядах.²³ Очень часто жертвами таких чисток становились верующие. Для проведения подобных операций были созданы политотделы из комсомольцев и коммунистов, которые организовывали карательные рейды, разоблачали и систематически очищали партиячейки на селе от классово чуждых элементов. В 1929 г. кампания активно проводилась в Псковском округе. По её итогам оказалось, что из деревенских партиячек было исключено: 39% - за пьянство; 24% - за преступное поведение; 22% - за исполнение религиозных обрядов; 13% - за отказ вступать в колхозы; 2% - за искривление классовой линии.²⁴ В ходе очередной чистки в 1930 г. в Псковском округе было проверено 6063 члена партии, из которых были «вычищены» 712, в том числе 314 крестьян. Основной причиной являлось отправление религиозных обрядов.²⁵

Первый опыт чисток комсомольской организации в сельских районах был осуществлен в 1929 г. В ходе проверки комсомольских ячеек в Порховском районе в августе 1929 г. вычистили 20 человек, среди которых оказались дети священников – Сергеев, Васильев, активные комсомольцы, но исполняющие религиозные обряды.²⁶ В Пушкиногорском районе был исключен из рядов союза Н.О. Городецкий, как не порвавший связи со своим отцом – священнослужителем.²⁷

Очередная чистка происходила во второй половине 1930-х гг. Поиск «врагов» в обществе усилился с убийством С.М. Кирова (1934 г.). Кроме этого, причиной чисток на селе стала незавершенность коллективизации (вне колхозов оставалось около 9 млн. крестьянских хозяйств, что составляло 38% в незерновой полосе).²⁸ На январском пленуме ВКП(б) в 1933 г. И.В. Сталин отмечал, что «в деревне, внутри колхозов чуждые элементы разлагают хозяйство, классовая борьба обостряется».²⁹

Результатом стало усиление кампании вычищения «чуждых элементов» из партийных организаций, советских учреждений и объединений. В январе 1935 г. в деревне Должино Дновского района из комсомола была исключена тов. Ерофеева. Бюро Дновского райкома ВЛКСМ обвинило её в но-

шении креста и желании окрестить племянника. За совершенные проступки Ерофеева не только исключили из комсомола, но и уволили с преподавательской работы из школы.³⁰ В 1936 г. на заседании Псковского окружкома ВЛКСМ отмечалось, что прием выходцев из чуждых элементов опасен и недопустим. В результате в приеме в члены ВЛКСМ было отказано Галине Добрянской – крестьянке-беднячке из Дновского района, дочери служителя культа. А в апреле 1937 г. отказали сыну бывшего служителя культа, жителю того же района Соловскому.³¹

Таким образом, путем чисток низовых партийных и комсомольских организаций обеспечивалось освобождение села от верующих и духовенства, что должно было, по мнению властей, укрепить колхозный строй.

Одновременно с раскулачиванием и выселением духовенства советская власть проводила политику ликвидации верующих и служителей культа. Эта политика активизируется с началом коллективизации. В 1928 г. в Новосельском районе были арестованы по обвинению в антиколхозной деятельности священник Князевский и его сын. Дело обстояло так: работники местного сельсовета на собрании крестьян предложили организовать колхоз. Крестьяне отказались. Выездная сессия Псковского окружного суда вину за это возложила на Князевского и его сына, по приговору они были высланы из округа на три года с конфискацией имущества.³² Такие же случаи произошли в Черновском районе Новгородского округа: за антиколхозную деятельность были арестованы священники Теробонской и Сабелской церквей – Заозерский и Любимов.³³

Использовались жесткие методы: аресты и высылки священников. В конце 1920-начале 1930-х гг. аресты священников сопровождались, как правило, высылкой на три-пять лет в Сибирь с конфискацией имущества, в последующие годы срок ссылки увеличился до 10-15 лет. Так, при организации колхоза в Рашневском сельсовете Псковского района председатель сельсовета предложил закрыть церковь и использовать её как зернохранилище. Несмотря на протест верующих, церковь была закрыта,

священник был обложен усиленным налогом, которого он не мог уплатить в сжатые сроки, имея бедняцкое хозяйство. За неуплату налога власти провели арест священника, которого выслали на три года в Сибирь с конфискацией имущества.³⁴ В 1930 г. подобные случаи произошли в Красноивановском сельсовете Опочецкого района и в деревне Речка Реченского сельсовета Старорусского района Новгородского округа.³⁵

В апреле 1931 г. в Пальцевском сельсовете Островского района была закрыта местная церковь, а 17 мая к зданию сельсовета потянулись крестьяне с требованием открыть храм и допустить в нем службы. Действия крестьян были расценены местной властью как организованное антисоветское выступление, в руководстве которым обвинялись священник Яков Иванович Амосов, член «двадцатки» Петр Петрович Нечаев и колхозник Петр Егорович Егоров из артели «Красный боевик». 19 мая 1931 г. Амосов был арестован. При аресте крестьяне подали жалобу в райисполком с просьбой отпустить священника, однако дело было уже заведено. Священника Амосова, уроженца деревни Клин бывшего Торопецкого уезда Псковской губернии, обвиняли в антисоветской и антиколхозной агитации. На допросе Я. Амосов отрицал свою причастность к произошедшей демонстрации. Проходившие по делу свидетели на допросе не смогли доказать фактического участия священника в антисоветской деятельности. Тем не менее 8 августа 1931 г. состоялось заседание тройки ПП ОГПУ в ЛВО: Амосова приговорили к лишению свободы на пять лет.³⁶

В начале 1930-х гг. случаи расстрела священников по приговору были не такими уж частыми, но они также имели место. В январе 1930 г. в селе Выбор Савенского сельсовета Выборского района Псковского округа при закрытии Успенской церкви крестьяне оказали сопротивление властям. Райотдел ОГПУ обвинил в антисоветской агитации местного священника Николая Ивановича Цвенева. 18 февраля 1930 г. он был арестован и по постановлению тройки ПП в ЛВО ОГПУ был приговорен к высшей мере наказания.³⁷ В середине 1930-х гг. происхо-

дит новый виток гонений на сельское духовенство, что было связано с проведением политики укрепления колхозов изнутри. Многие священники подвергались репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильного расследования дела (без предоставления возможности защиты, без гласности судебного процесса).

В целях борьбы с духовенством за жизнью приходов усиливается контроль осведомителей, по любому доносу или при подозрении служители культа подвергались аресту. Так, в феврале 1936 г. в Псковский окротдел НКВД поступил донос, что в погосте Добрывидки Москвинского сельсовета Псковского района группа лиц церковного актива во главе со священником Дмитрием Алексеевичем Дмитриевым проводит контрреволюционную работу, создавая недовольство населения против советской власти. 8 февраля 1936 г. Дмитриев был взят под стражу и препровожден в псковскую тюрьму. На допросе священник признал, что в июне 1935 г. после службы просил прихожан помочь высланным крестьянам, которые голодают. Свидетель Морозов подтвердил, что и сам дал четыре рубля, а всего было собрано 80 рублей. Дмитриев послал деньги голодающим. Выездная сессия Леноблсуда признала в этом факт контрреволюционной деятельности, и 12 сентября 1936 г. священник был приговорен к трем годам лишения свободы по статье 31 УК и к пяти годам лишения свободы по статье 58/10 с последующим поражением в правах.³⁸

Наибольший размах гонения на духовенство приобрели в 1937-1938 гг., когда практически единственным средством борьбы со священнослужителями становится физическое уничтожение. Служителей культа обвиняли в антисоветской деятельности, в создании контрреволюционных группировок, сотрудничающих с Германией и ведущих шпионаж в пользу Прибалтийских государств. По обвинению в шпионаже и антисоветской деятельности 10 октября 1937 г. был арестован священник Удовской церкви Ашевского района Калининской области Владимир Владимирович Мудров, по социальному положению – неимущий. Уполно-

моченный Ашевского райотдела НКВД Сидоров произвел обыск, доказательств вины не обнаружил, сам же Мудров отрицал обвинения. Однако по делу проходил свидетель – председатель колхоза «Социализм» Семен Кузьмин. Он признал правильность обвинений, хотя доказательств не предоставил. Тем не менее на основании показаний С. Кузьмина Тройка УНКВД Калининской области 25 ноября 1937 г. приняла решение заключить В.В. Мудрова в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет с принудительными работами. В 1939 г. священник скончался в заключении.³⁹

В феврале 1938 г. был арестован Константин Николаевич Гудков – священник Сошихинского района Ленинградской области. Он был обвинен в создании антисоветской подпольной организации, в которую вошли крестьяне И. Лавров, Г. Степанов и др. Доказательствами к обвинению послужили неконкретные показания свидетелей Розанова и Сараева – крестьян деревни Владимирец того же района. Они свидетельствовали, что антисоветская агитация велась, но сами таковой не слышали. На таких «доказательствах» 4 марта 1938 г. Тройка УНКВД ЛО постановила расстрелять К.Н. Гудкова, И. Лаврова, Г. Степанова. 6 марта 1938 г. приговор был приведен в исполнение.⁴⁰

20 августа 1940 г. был арестован уроженец бывшего Демянского уезда Новгородской губернии священник Иван Николаевич Коведяев. Коведяеву было предъявлено обвинение в том, что, живя с 1935 по 1940 гг. в Печорах, на территории Эстонии, он организовал донесения в политполицию Эстонии о настроениях населения Псковского округа. Несмотря на то, что на допросах свидетели В.Б. Булгарин и Т.В. Назимов не смогли дать конкретных доказательств по делу,

Коведяев был обвинен в шпионаже, и 4 декабря 1940 г. судебная комиссия по уголовным делам Леноблсуда приговорила священника к расстрелу.⁴¹

Таким образом, к концу 1930-х гг.: численность священников РПЦ в СССР сократилась на 96%; в 1914 г. клир насчитывал 66100 служителей культа, к 1938 г. их осталось всего 6376.⁴² К 1941 г. в стране осталось только 5665 официально зарегистрированных священников. В это число входили служители культа, находившиеся на недавно присоединенных территориях.⁴³

Итак, период 1920-30-х гг. – время коллективизации и нарастающей по своей силе борьбы советской власти с сельским духовенством и верующими. К священникам и верующим применяли самые разнообразные репрессивные меры: закрытие церквей, их разрушение, запрещение колокольного звона и сдача колоколов на нужды индустриализации, ломка иконостасов и уничтожение икон. Духовенство и верующие, обвиняемые в сопротивлении социалистическим преобразованиям в деревне, подвергались раскулачиванию и выселению. Священники облагались повышенным налогом, как «нетрудовые элементы», а за неуплату подвергались арестам. Нередко арестованный исчезал навсегда.

Жестокая борьба с религией, направляемая партией, не привела к её ликвидации. Партийные лидеры отмечали, что в целом к 1938 г. религиозность в СССР оставалась высокой. По расчетам Е.М. Ярославского, в 1937 г. не порвали с религией около 2/3 населения страны.⁴⁴ Более эффективной оказалась борьба против церковной организации. Итогом репрессий против церкви стало то, что к 1938 г. церковная жизнь в стране приняла очаговый характер, а верующие скрывали свою веру.

Примечания

1. ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.11. Д.28. Л.5
2. ГАПО. Ф.р -590. Оп.2. Д.194. Л.141
3. ГАНИПО. Ф.3. Оп.1. Д.416. Л.61
4. Там же. Л.97
5. ГАПО. Ф.р -590. Оп.1. Д.1506. Лл.438, 452
6. Там же. Л.452
7. ГАНИПО. Ф.3. Оп.1. Д.602. Л.19
8. Там же. Ф.128. Оп.1. Д.132. Л.8
9. ОРАФ УФСБ РФ по ПО. Д.С.-7924. Лл.3, 12, 63
10. ГАНИПО. Ф.578. Оп.1. Д.372. Л.9
11. Там же. Ф.3. Оп.1. Д.570. Лл.12, 21
12. ОРАФ УФСБ РФ по ПО. Д.АА.-5003. Л.4
13. ГАНИПО. Ф.3. Оп.1. Д.560. Л.34
14. ГАНПИНО. Ф.128. Оп.1. Д.665. Лл.79, 98
15. ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.49. Д.33. Л.212
16. ГАНИПО. Ф.3. Оп.1. Д.599. Л.9
17. ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.49. Д.33. Л.187
18. Там же. Д.33. Л.188. Д.54. Лл. 3, 10
19. Там же. Л.13
20. *Николин А.С.* Церковь и государство. М., 1997. С.173
21. ГАПО. Ф.р -65. Оп.1. Д.1. Л.2
22. Псковский колхозник. 1930. 16 марта, 30 апреля
23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4. М., 1984. С.393
24. Псковский набат. 1929. 10 октября
25. ГАПО. Ф.р -65. Оп.1. Д.55. Л.13
26. Псковский набат. 1929. 20 августа
27. ГАНИПО. Ф.2497. Оп.1. Д.70. Л.69
28. История советского крестьянства. Т.2. М., 1986. С.314
29. *Сталин И.В.* Итоги первой пятилетки // Соч.. Т.13. М., 1951. С.207
30. ГАНИПО. Ф.3037. Оп.1. Д.40. Л.9
31. Там же. Д.41. Л.127. Д.42. Л.48
32. Псковский набат. 1929. 7 июля
33. ГАНПИНО. Ф.128. Оп.1. Д.570. Л.15
34. ГАНИПО. Ф.3. Оп.1. Д.570. Л.15
35. ГАНПИНО. Ф.128. Оп.1. Д.665. Лл.103-104
36. ОРАФ УФСБ РФ по ПО. Д.20915. Лл.80, 86
37. Там же. Д.2263. Лл.162, 165
38. Там же. Д.А-5015. Лл.81, 84, 92, 98
39. ОРАФ УФСБ РФ по ПО. Д.А.-1723. Лл.3, 15-17
40. Там же. Д.857. Лл.1, 11, 17, 51, 55
41. Там же. Д.С-5682. Лл.1-2, 122, 135
42. Русская православная церковь и коммунистическое государство: 1917-1941. М., 1996. С.298
43. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. М., 1995. С.169
44. *Ярославский Е.М.* Об антирелигиозной пропаганде. М., 1937. С.12